

Перевалова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра журналистики и массовых коммуникаций,
Московский государственный университет печати
имени Ивана Федорова,
103045, Российская Федерация, г. Москва,
ул. Садовая-Спасская, 6,
e-mail: helenpv@yandex.ru

Elena V. Perevalova

Moscow State University of Printing Arts,
6 Sadovaya-Spasskaya St., 103045, Moscow, Russian Federation,
e-mail: helenpv@yandex.ru

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОЦЕССА ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ В ГАЗЕТЕ М.Н. КАТКОВА «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Аннотация. В 1878 г. в России состоялся судебный процесс над В.И. Засулич, обвиняемой в покушении на убийство петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Под влиянием либерально настроенного состава суда присяжными заседателями был вынесен оправдательный приговор, восторженно встреченный публикой. Не без помощи печати выстрел Засулич в глазах общественности стал примером исполнения гражданского долга и проявления личного мужества, породив у многих стремление подражать и продолжать начатое ею «дело». Газета «Московские ведомости» М.Н. Каткова стала одним из немногих отечественных органов печати, решившихся выступить с резкой критикой решения суда. «Московские ведомости» указывали на недопустимость снисходительного и легкомысленного отношения общества к политическому террору, доказывали его несомненную опасность и стремились лишить его носителей героического и романтического ореола.

Ключевые слова. В.И. Засулич, М.Н. Катков, А.Ф. Кони, «Московские ведомости», терроризм, судебный процесс.

Информация о статье. Дата поступления 12 декабря 2014 г.; дата принятия к печати 26 декабря 2014 г.; дата онлайн-размещения 30 января 2015 г.

PUBLICIZING OF PROCESS OF VERA ZASULICH IN M.N. KATKOV'S NEWSPAPER «MOSKOVSKIE VEDOMOSTI»

Abstract. In 1878 in Russia trial over V.I. Zasluch, accused of attempt at murder of the Petersburg town governor F.F. Trepov took place. Under the influence of liberally adjusted structure of court jurors pronounced the verdict of not guilty enthusiastically met by public. Not without the aid of the press a shot Zasluch in the opinion of the public became an example of execution of a civic duty and manifestation of personal courage, having generated at many aspiration to imitate and continue the «business» begun with it. The Moskovskiye Vedomosti newspaper of M.N. Katkov became one of the few domestic press organs which decided to flay a judgment. The Moskovskiye Vedomosti

indicated inadmissibility of the indulgent and thoughtless relation of society to political terror, proved its undoubted danger and sought to deprive of it carriers of a heroic and romantic aura.

Keywords. V.I. Zasluch, M.N. Katkov, A.F. Koni, Moskovskie vedomosti, terrorism, crime, justification, trial.

Article info. Received December 12, 2014; accepted December 26, 2014; available online January 30, 2014.

На протяжении многих лет покушение В.И. Засулич на петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова, совершенное 24 января 1878 г. воспринималось исключительно как героический поступок, а сама Засулич стала символом борьбы с режимом для многих поколений революционеров. Генерал Трепов, напротив, оставался мишенью для обвинений как «сатрап», «кровавый палач» и «слуга режима». Немалую роль в «канонизации» Засулич в конце 1870-х гг. сыграли и российская пресса, которая имела возможность гласно обсуждать особенности процесса и публично выражать свою точку зрения. Сегодня поступок Засулич, присвоившей себе право пролить кровь «по совести», и правомерность действий суда, вынесшего оправдательный приговор обвиняемому лицу, сознавшемуся в преднамеренном покушении на убийство, вызывают неоднозначную реакцию и споры как со стороны представителей юстиции, так и со стороны широкой общественности, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

К моменту покушения Вера Ивановна Засулич (1849–1919) была уже революционеркой «со стажем»: в 1869 г. она привлекалась к суду по делу С.Г. Нечаева, и даже около года находилась в заключении в Литовском замке и в Петропавловской крепости. Затем жила на поселении в Новгородской, Тверской и Костромской губерниях, а после возвращения из ссылки — в Харькове,

где участвовала в работе местного революционного кружка бакунистов «Южные бунтари» и даже пыталась поднять крестьянское восстание в одной из украинских деревень. Вынужденная бежать от преследований власти, Засулич в 1877 г. вновь уехала в Петербург, где было проще избавиться от надзора полиции, и там, находясь на нелегальном положении, участвовала в деятельности революционной организации «Земля и воля», подпольной «Вольной русской типографии».

Поводом к выстрелу Засулич в Трепова послужило распоряжение петербургского градоначальника подвергнуть телесному наказанию политического заключенного Боголюбова (Архипа Петровича Емельянова), приговоренного к каторжным работам за участие в «Казанской демонстрации» в 1876 г. — первой политической демонстрации в России. Трепова возмутило вызывающее поведение Боголюбова, отказавшегося снять шапку при его появлении в доме предварительного заключения, куда градоначальник прибыл с инспекционной проверкой. Телесные наказания были законодательно запрещены, и Трепов действительно допустил превышение служебных полномочий, что вызвало не только бунт находящихся в «предварилровке» заключенных, но и возмущение в образованном обществе, так как история получила широкую огласку.

Расследование покушения Засулич было произведено в очень ко-

роткий срок и закончено уже к концу февраля 1878 г., причем в ходе следствия делу стремились придать исключительно уголовный характер, устраняя любые намеки на политический характер преступления. Можно предположить, что таким образом власти пытались указать на «очевидность» обвинительного приговора по отношению к обвиняемой, которая отнюдь не скрывала предумышленности своего поступка. Закон предусматривал жесткое наказание за подобного рода преступления — лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. С другой стороны, Министр юстиции не препятствовал публичному рассмотрению дела Засулич: оно должно было слушаться в Петербургском окружном суде с участием присяжных, в присутствии публики и освещаться в печати.

Настроение общества по отношению к Засулич было сочувственное, ее поступок многими рассматривался как «акт справедливости» по отношению к «тирану» и «деспоту» Трепову. Поэтому не удивительно, что вынесенный Засулич 31 марта оправдательный приговор, которому в немалой степени способствовала речь присяжного поверенного П.А. Александрова и действия председателя Петербургского окружного суда А.Ф. Кони, был встречен рукоплесканиями, а сама Засулич, освобожденная из-под стражи прямо в зале суда, — встречена восторженной толпой как героиня. Благодаря действиям защиты процесс получил политический характер. В речи Александрова было прямо указано на то, что «физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданским

подвигом»¹. Александров лишь слегка коснулся самого преступления, а все внимание сосредоточил на психологической стороне «проступка». Он подчеркивал несомненный характер связи между наказанием Боголюбова и покушением на Трепова, указывал на сходство судьбы Боголюбова и Засулич, которая на себе испытала все тяготы тюремной жизни, апеллировал к чувствам присяжных и публики, призывал к сочувствию к обвиняемой, благородно вступившейся «за поруганную честь беспомощного каторжанина». Его «громовая» речь была не столько доказательна, сколько эмоциональна, энергична и «вдохновенна»: «В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, — женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах божественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественной безопасности нужно признать кару законною, тогда да свершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь! Немного страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратят возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва!» [5].

В ходе процесса Засулич из преступницы превращалась в мученицу

¹ Судебная хроника // Новое время. 1878. № 755.

за идею, героиню, достойную подражания. Сама она впоследствии, вспоминая о своих ощущениях во время судебного заседания, писала: «С каждой минутой я все сильнее чувствовала, что нахожусь... в состоянии полнейшей неуязвимости... Что бы ни придумали эти господа — я-то буду спокойно посматривать на них из какого-то недостижимого для них далека» [6, с. 63]. По мнению современных исследователей, «фактически в ходе процесса над Засулич русское либеральное общество само нашло достаточно убедительные аргументы того, что Трепов наказан по заслугам, и состоялось первое представление образа террориста-мученика, стремление к новому воспроизведению которого определит впоследствии характер террористической деятельности как «Народной воли», так и ее наследников из партии социалистов-революционеров» [1, с. 181–191].

Однако героиней процесса стала не только подсудимая, но и ее защита, которая с точки зрения публики «мужественно и честно выполнила свой гражданский долг» [3, с. 17–18]. Полный текст речи П.А. Александрова был напечатан почти во всех русских газетах, ее оценивали как «блестящую», «неподражаемую». Известный русский юрист, коллега Александрова Н.И. Карабчевский писал: «Защита Веры Засулич сделала адвоката Александрова всемирно знаменитым. Речь его переводилась на иностранные языки...» [7, с. 156]

Этот результат стал неожиданно для правительства, которое не ожидало, что суд станет триумфом для обвиняемой, а генерал Трепов из пострадавшего превратится в обвиняемого. Несмотря на то, что оправдательный приговор в отношении Засулич буквально на следующий же день был опротестован, и был издан при-

каз об ее аресте, либеральная общественность и большая часть прессы продолжали рукоплескать и поступку Засулич, и решению суда, видя в нем наступление «новой эры» прогресса и справедливости. Газеты Франции, Германии, Англии и США, подробно освещавшие ход следствия и суд, писали о том, что этот процесс продемонстрировал бессилие государства перед голосом народа, а сама Вера Засулич «в истории русской революции приобрела великое имя».

Немногие издания на фоне всеобщего восторга решались высказать иную точку зрения на причины, побудившие Засулич к покушению, и на само решение суда. Одним из таких изданий стала влиятельная общественно-политическая газета «Московские ведомости», издававшаяся под редакцией М.Н. Каткова.

Несмотря на репутацию консервативного органа, в 1860-е гг. «Московские ведомости» деятельно поддерживали реформы Александра II и были активными защитниками суда присяжных заседателей и новых принципов судопроизводства, заложенных реформой 1864 г. Будучи сторонником строгой законности, Катков неоднократно в передовых статьях обращался к судебной теме, публиковал отчеты о публичных заседаниях судов, доказывал необходимость следования в судебной практике новым принципам, позволяющим ликвидировать произвол и гарантировать соблюдение прав и свобод личности¹. Сам факт введения «суда общественной совести» рассматривался газетой как способность и готовность русского народа к прогрессу и европейской цивилизации². Признавая, что новому суду свой-

¹ Московские ведомости. 1864. 27 марта; 9 мая; 1866. 23 апр.; 24 апр.; 23 сент.; 24 сент.; 1867. 15 июля.

² Там же. 1867. 18 февр.

ственные недоразумения и упущения («Когда их нет?»), «Московские ведомости» убеждали читателей, что все они могут быть исправлены с помощью печати и гласности, и это «есть одно из великих преимуществ нового порядка перед старым»¹. Даже факты оправдательных приговоров в отношении совершивших тяжкие преступления лиц становились для «Московских ведомостей» поводом, чтобы подчеркнуть достоинства судебной реформы², а одним из преимуществ суда присяжных газета не раз называла «возможность отступлений от формального закона»³.

Однако состоявшийся в 1871 г. процесс «нечаевцев», участники которого вызывали сочувствие, а нередко и восхищение публики, чему в немалой степени способствовала позиция защитников и печать, заставили московскую газету усомниться в высказываемых ее ранее мнениях. «Московские ведомости» писали, что именно сочувственное отношение суда и интеллигенции к участникам преступной деятельности может стать питательной средой для дальнейшего развития террористических учений, и призывали русскую интеллигенцию к осторожности в оценке явлений и учений, которые привели «нечаевцев» на скамью подсудимых [12]. «Будьте господа чем хотите, либералами или консерваторами, но будьте прежде всего людьми умными, людьми зрячими», — предупреждала газета после завершения «нечаевского процесса»⁴. Именно в снисходительном отношении общества к носителям идеи террора как метода революционной деятельности «Московские ведомости» увидели основную опасность, справедливо по-

лагая, что это может способствовать дальнейшему подрыву представлений о пагубности и опасности политических преступлений, их разрушительном для общественного и государственного устройства характере.

Оправдательный приговор, вынесенный В.И. Засулич, сознавшейся в совершении обдуманного и заранее подготовленного ею преступления, восторженная реакция русского образованного общества, увидевшего в приговоре торжество справедливости, а в несостоявшейся убийце — борца за идею, показывали, что трагическая история «нечаевцев» получила продолжение. Причем, если С.Г. Нечаев и его система взглядов, нашедшая выражение в «Катехизисе революционера», вызывали в большинстве русской интеллигенции резкое отторжение, а убийство Нечаевым студента Петровской Академии И. Иванова представлялось как кровавое и неоправданное в своей жестокости злодеяние, то покушение Засулич на Трепова рассматривалось как акт справедливого возмездия.

«Московские ведомости» были едва ли не единственной газетой, высказавшей не просто сомнение и удивление оправдательным приговором суда в деле В.И. Засулич, но и осмелившуюся выступить с его резкой критикой. Суть процесса, по мнению газеты, не подлежала сомнениям: «Было совершено преднамеренное, издавна подготовлявшееся покушение на убийство. Произведен был выстрел в высшее административное лицо в возмездие за распоряжение, сделанное им при исполнении своих служебных обязанностей»⁵.

Процесс Засулич стал для «Московских ведомостей» еще одним знаковым поводом, чтобы поставить вопрос о недопустимости снисхо-

¹ Московские ведомости. 1866. 10 нояб.

² Там же. 1866. 10 нояб.; 1867. 1 окт.

³ Там же. 1867. 3 окт.

⁴ Там же. 1872. 30 янв.

⁵ Там же. 1878. 2 апр.

дительного и легкомысленного отношения общества к политическому террору, доказать его несомненную опасность и лишить его носителей героического и романтического ореола. С точки зрения газеты, недопустимо указывать на «какие-то заслуги Веры Засулич» и тем самым делать из ее поступка пример для молодежи, тем самым толкая «в бездну наше молодое поколение, отрывая его от семьи, труда и честного служения своей отчизне» [9].

В первой же передовой статье, последовавшей за оглашением приговора, «Московские ведомости» язвительно сравнили результаты процесса с первоапрельской шуткой. Газета с иронией указывала на несоответствие между совершенным преступлением и вынесенным судом решением, которое возвело преступление «в апофеоз», и насмешливо недоумевала: «Открылись ли при судебном разбирательстве такие обстоятельства, которые оправдывали подсудимую, и избранная публика с восторгом услышала приговор, освободивший невинно обвиненную в покушении на преступление, которое кроме уголовного имеет еще и политический характер»¹.

«Московские ведомости» подробно проанализировали доводы защиты на суде 31 марта, рассуждения адвоката о мотивах, толкнувших ее на совершение преступления. Что заставило Засулич «мстить» Трепову, нанесшему оскорбление Боголюбову, если она не присутствовала ни при наказании Боголюбова, ни при его показаниях — завались вопросом «Московские ведомости»? «Логически (ЕП — курсив «Московских ведомостей») между событием в Санкт-Петербургской тюрьме предварительного заключения и по-

ступком подсудимой не было связи, — замечала газета, — Связь эта существовала лишь между рассказом (ЕП — курсив «Московских ведомостей») об этом событии и решимостью подсудимой; стало быть, для объяснения мотива преступления исследованию подлежало лишь то, в каком виде представилось дело для Засулич из рассказов»². «Московские ведомости» совершенно справедливо подметили, что во время суда защита стремилась смягчить вину подсудимой, делая акцент на причины, побудившие ее к покушению. Защита старалась не столько выяснить мотив преступления и разъяснить его перед присяжными, сколько выставить в возможно более невыгодном свете действия жертвы преступления и тем самым как бы оправдать направленное на нее преступное действие. В результате расследование покушения на жизнь генерала Трепова «превратилось в суд над самим генералом Треповым по поводу его распоряжения по должности». Именно к этой цели, по мнению «Московских ведомостей», и стремилось следствие. Для этого к процессу был привлечен целый ряд свидетелей — очевидцев события в тюрьме, с которыми Засулич даже не была знакома, и которые, таким образом, не могли быть свидетелями ни самого факта преступления, ни обстоятельств, породивших преступный умысел³. Газета подчеркивала, что все подобные «печальные неправильности этого процесса были последствием искажения истинного смысла закона»⁴.

² Данная статья была написана по итогам заседания Кассационного департамента Правительствующего сената, отменившего 20 мая 1878 г. оправдательный приговор присяжных заседателей (Московские ведомости. 1878. 25 мая).

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ Московские ведомости. 1878. 2 апр.

«Московские ведомости» поставили под сомнение сам факт того, что поводом для покушения стал лишь услышанный Засулич рассказ о произошедшем в тюрьме инциденте. Недвусмысленный иронический комментарий к процессу и реакции публики в ходе судебного заседания был сделан в публикации князя Н. Голицына «Сюрприз», в которой выдвинута версия, что «дело Боголюбова» было использовано Засулич лишь как мотив для покушения. На процессе поступок Засулич был представлен как «порыв» юной барышни, на себе испытывавшей тяготы тюремного режима, вступить за оскорбленного товарища, и именно эта «непосредственность» ее поступка и послужила оправданием его в глазах публики. «Молодец, Верочка!» — слышались крики из зала при слушании дела. Засулич, по мнению Голицына, всего лишь воспользовалась сочувствием публики, представ перед ней «в роли карающей Немезиды», тогда как «в сущности она просто исполняла поручение нигилистов убить генерала Трепова» [2]. «Боголюбов, его сечение, вся эта область «розги» оказываются тут ни при чем... Верочка насмеялась над публикой и оставила интеллигенцию, извините, в дураках. Какой сюрприз!.. В самом деле: «молодец, Верочка!» — саркастически заключает в итоге автор [2].

Словно бы в подтверждение опасений «Московских ведомостей» очень быстро последовали другие политические покушения. В Киеве революционеры осуществили неудачное покушение на товарища прокурора М.М. Котляревского и удачное покушение на адъютанта начальника Киевского губернского жандармского управления штабс-капитана Г.Э. Гейкинга, которого закололи кинжалом. А 4 августа 1878 г. в Петербурге прямо во время утренней прогулки на

Михайловской площади С.М. Степняком-Кравчинским был заколот кинжалом шеф жандармов и начальник Третьего отделения Н.В. Мезенцев, что повергло в шок правительственные сферы и спровоцировало почти панику среди населения Петербурга. Многим казалось, что преступники действуют по заранее обдуманному плану и ставят целью уничтожить административную верхушку России. При этом само Третье отделение демонстрировало полную некомпетентность и беспомощность и не смогло даже оперативно организовать следствие и поимку Кравчинского, который успел скрыться за границей. Что можно было противопоставить беспомощности власти и торжеству убийц, чувствующих свою безнаказанность и окруженных героическим ореолом в глазах оппозиционно настроенной молодежи?

«Московские ведомости» ответили на убийство Мезенцева передовой статьей, в которой негодование по отношению к убийцам сочеталось с горьким сарказмом в адрес отечественных судебных органов и интеллигенции. А что бы произошло, если бы убийцы были пойманы? — задавалась вопросом газета. В гипотетическом описании дальнейшего развития событий узнаются подробности процесса Веры Засулич: «Конечно, последовал бы допрос, последовал бы суд. Их осторожно спросили бы, благоугодно ли им признать себя виновными в преступном действии, предусмотренном такой-то статьей Уложения о наказаниях. Они увидели бы себя на возвышении, пред «избранной публикой», восторженно и подобострастно устремившей взоры на этих интересным молодых людей с черными усиками, как их описывает «Правительственный вестник»; началось бы следствие над покойным генерал-адъютантом Мезенцевым;

были бы вызваны свидетели, быть может, из жандармской команды, для дачи показаний в оправдание, очищение и прославление мотивов, вооруживших против него карательную руку; тихонько прокралось бы серое, себе не верящее слово обвинения; раздался бы трескучий дифирамб защиты; рукоплескания, всеобщее волнение, затаенное дыхание публики, оправдательный приговор присяжных, наконец, апофеоз с фейерверком...»¹.

Газета подчеркивала закономерность этой череды террористических актов и политического насилия, видя одну из причин этого в героическом ореоле, который окружает политических преступников в глазах публики: «На какое дело не решится иной фанатик, чтобы сладость подобной минуты торжества и победы, — победы над общественной совестью, над здравым смыслом, над правосудием, над властью?..»². И первым шагом в создании такого ореола, по мнению «Московских ведомостей», стала «апофеоза госпожи Засулич», создать которую помогла в том числе «вся петербургская печать», заявлявшая «о новой эре, наступившей для России». «Даже Гёдель в Германии был вдохновлен петербургской апофеозой политического убийства...» — указывается в финале статьи³.

Действительно, череда политических преступлений в России совпала с не менее трагическими событиями в Германии, где в мае-июне 1878 г. было совершено два покушения на императора Вильгельма I. 11 мая 1878 г. подмастерье жестяных дел Гедель дважды выстрелил из револьвера в императора, когда тот проез-

жал в открытом экипаже. Император остался невредим, а злоумышленник был задержан. Не прошло и трех недель, как 2 июня на императора было совершено второе покушение: доктор Карл Эдуард Нобилинг стрелял в него и нанес несколько тяжелых ранений. После второго покушения в Германии были приняты меры против политических преступлений: в октябре 1878 г. рейхстагом был принят внесенный канцлером Бисмарком «закон о социалистах», запрещающий социал-демократическую партию (хотя депутаты-социалисты по-прежнему имели право избираться в рейхстаг и выступать с его трибуны). Что касается самих преступников, то Гедель был обезглавлен в Берлине 16 августа 1878 г., а Нобилинг умер в тюрьме 10 сентября 1878 г. от последствий нанесенного им самому себе в момент ареста тяжелого ранения.

«Московские ведомости» в нескольких номерах подробно анализировали события вокруг покушений на жизнь императора Германии. Газета подчеркивала необходимость принятия «энергических мер» для противодействия террору⁴ [10], причем ссылалась на опыт западных стран, общество в которых «везде требовало примерной казни над виновными» [11]. Считая казнь политического преступника вполне оправданной мерой, вместе с тем «Московские ведомости» полагали недопустимым, чтобы она сопровождалась торжественной обстановкой и тем самым придавала бы самому преступлению «какое-то почетное отличие», «льстила» преступнику и создавала бы ореол величия в глазах окружающей его толпы. «Нужно ли вообще делать зрелище из смертной казни? Едва ли это нужно в видах устрашения. Устрашать

¹ Московские ведомости. 1878. 6 авг.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Иногородний обыватель. С берегов Невы // Там же. 25 сент.

может сам факт казни, но не торжественность ее обстановки». «Каждый из этих Геростратов хочет прославиться», — резюмировали «Московские ведомости»¹.

Сопоставляя покушения Засулич и Нобилинга, «Московские ведомости» указывали на взаимосвязь между этими преступлениями, состоящую в том, что они представляли опасность не только для политической элиты сильнейших европейских государств, но и для всей европейской государственной системы. «Московские ведомости» предлагали правительствам европейских стран объединить усилия в борьбе с социалистическими организациями и социалистической пропагандой, в которых видели главную угрозу международной безопасности. Покушения в России и Германии совпали с подготовкой и проведением в июне-июле 1878 г. Берлинского конгресса, созванного для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Австро-Венгрия и Англия выступали против создания на Балканах нового крупного государства и усиления позиций России в этом регионе и потому требовали подписания новых условий мира, в ущерб как интересам России, так и славянским народам Балканского полуострова. «Вместо того чтобы судить Россию, — писала московская газета в канун открытия Берлинского конгресса, — лучше было бы заняться на конгрессе вопросом о социализме, который организовался в политических промежутках Европы и служит готовым орудием, чтобы колебать основы государств и вносить расстройство и смуту в недра общества. Вполне успешная борьба тут только и возможна, если все пра-

вительства цивилизованного мира согласятся соединить свои усилия»².

Позже, уже после ряда политических покушений и взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. и формирования Верховной распорядительной комиссии под председательством М.Т. Лорис-Меликова, оценки процесса Засулич в «Московских ведомостях» стали значительно резче, а обвинения в адрес суда присяжных и либеральной прессы — все более настойчивыми. «Московские ведомости» писали, что сам «принцип» политических покушений, которые сегодня приводят в ужас и негодование всю Россию, был «торжественно оправдан, одобрен и прославлен петербургской интеллигенцией в знаменитом суде над Верой Засулич»³. По мнению «Московских ведомостей», именно «восторги подвигом этой «гражданки» со стороны либеральной, в первую очередь, петербургской печати, оправдание ее преступления высокими гражданскими побуждениями, «либеральные розы», которыми, по образному выражению газеты, была осыпана Засулич, и «пышные венки», возложенные на голову адвоката Александрова⁴, — все это привело к потере нравственных ориентиров в обществе, к отсутствию разграничений между добром и злом, превратило политическое преступление в подвиг и символ гражданской доблести и мужества.

При этом «Московские ведомости» недвусмысленно подчеркивали, что основная вина в случае оправдательного приговора лежит не столько на присяжных заседателях, присутствие которых в зале суда зачастую зависит от слепого случая, сколько на представителях судебной власти, для

¹ Московские ведомости. 1879. 30 мая.

² Там же. 1878. 28 мая.

³ Там же. 1880. 7 марта.

⁴ Там же. 1883. 23 июня.

которых учреждение суда присяжных становится «прикрытием и орудием неправды». Газета однозначно утверждала, что «если судьи могут у нас так безнаказанно издеваться над здоровым смыслом и правосудием, то не потому ли, что они могут прятаться за мнимой непогрешимостью присяжных?»¹. В случае с оправдательным приговором Веры Засулич газета недвусмысленно возлагала вину на А.Ф. Кони, указывая, что именно тенденциозное ведение дела и «лукавая... постановка вопросов» поставила «присяжных в необходимость вынести приговор, не согласный ни с обстоятельствами дела, ни с собственным убеждением»². Правда, газета сомневалась в том, что председатель суда способен был бы оправдать подсудимую, если бы исход дела зависел лишь непосредственно от его собственного решения. «Оправдал ли бы г. Кони Веру Засулич, — задавались вопросом «Московские ведомости», — если бы ему пришлось произнести этот вопиющий приговор от своего лица, вместо того чтобы подsunуть его тем двенадцати чело-векам, которые изображали собой Пифию, приводимую в действие разными скрытыми пружинами?»³.

Насколько была права газета, фактически обвиняя председателя Петербургского окружного суда в стремлении оправдать Веру Засулич?

По прошествии многих лет А.Ф. Кони в своих воспоминаниях писал о «недобросовестности» Каткова и его газеты в освещении процесса Засулич в целом и его роли как председателя суда на этом процессе, в частности. В свою очередь он разъяснял, что характер вопросов, задаваемых им подсудимой, разъяснение

ее прав и т.п. объяснялось отнюдь не его «предупредительной любезностью», а было определено законом и основными принципами уголовного процесса [8, с. 247]. По словам Кони, после прочтения статей в «Московских ведомостях» первым его побуждением было желание возбудить преследование против газеты, тем более что он был уверен, что сумел бы выиграть дело и «московскому трибуну пришлось бы прогуляться по всем инстанциям». Однако в тот момент Кони ни словом не ответил «Московским ведомостям». Свое молчание в ответ на нападки Каткова он позже объяснил чуть ли не жалостью к «стариком» и сохранившимися со времен студенчества впечатлениями от статей Каткова 1863 г., «пробудивших русское национальное самосознание, оградивших единство России и впервые создавших у нас достойное серьезного публициста положение» [8, с. 223–224].

Вряд ли можно сомневаться в честности и порядочности А.Ф. Кони, однако, без колебаний можно сказать, что он сам явно оказался под обаянием поступка Веры Засулич, в то время как генерал Трепов в его глазах отнюдь не вызывал ни сочувствия, ни тем более симпатии. «Мнения, — писал А.Ф. Кони, — горячо дебатировавшиеся, разделялись: одни рукоплескали, другие сочувствовали, третьи не одобряли, но никто не видел в Засулич «мерзавку», и, рассуждая разное о ее преступлении, никто, однако, не швырял грязью в преступницу и не обдавал ее злобной пеной всевозможных измышлений об ее отношениях к Боголюбову. Сечение его, принятое в свое время довольно индифферентно, было вновь вызвано к жизни пред равнодушным вообще, но впечатлительным в частностях обществом. Оно — это сечение — оживало со всеми под-

¹ Московские ведомости. 1883. 25 февр.

² Там же.

³ Там же.

робностями, комментировалось как грубейшее проявление произвола, стояло перед глазами втайне пристыженного общества, как вчера совершенное, и горело на многих слабых, но честных сердцах, как свеженанесенная рана» [8, с. 69].

Как представляется, вопросы, предложенные им присяжным заседателям, подразумевали ответ, оправдывающий подсудимую:

1. Виновна ли Засулич в том, что, решившись отомстить градоначальнику Трепову за наказание Боголюбова и приобретя с этой целью револьвер, нанесла 24 января с обдуманном заранее намерением генерал-адъютанту Трепову рану в полости таза пулею большого калибра?

2. Если Засулич совершила это деяние, то имела ли она заранее обдуманное намерение лишить жизни градоначальника Трепова?

3. Если Засулич имела целью лишить жизни градоначальника Трепова, то сделала ли она все, что от нее зависело, для достижения этой цели, причем смерть не последовала от обстоятельств, от Засулич не зависевших? [8, с. 157].

В контексте эмоционального выступления защитника П.А. Александрова, сделавшего акцент именно на биографии Засулич и психологической подоплеке дела, эти вопросы по существу подсказывали присяжным оправдательный вердикт.

Этой же цели могли содействовать и напутственные слова Кони, сказанные им присяжным перед началом процедуры принятия решения по делу. Резюмируя итоги заседания, Кони, обращаясь к заседателям, высказался таким образом: «Указания, которые я вам делал теперь, есть не что иное, как советы, могущие облегчить вам разбор дела. Они для вас нисколько не обязательны. Вы можете их забыть, вы можете

их принять во внимание. Вы произнесете решительное и окончательное слово по этому делу. Вы произнесете это слово по убеждению вашему, основанному на всем, что вы видели и слышали, и ничем не стесняемому, кроме голоса вашей совести. Если вы признаете подсудимую виновною по первому или по всем трем вопросам, то вы можете признать ее заслуживающею снисхождения по обстоятельствам дела. Эти обстоятельства вы можете понимать в широком смысле. Эти обстоятельства всегда имеют значение, так как вы судите не отвлеченный предмет, а живого человека, настоящее которого всегда прямо или косвенно слагается под влиянием его прошлого. Обсуждая основания для снисхождения, вы припомните раскрытую перед вами жизнь Засулич» [8, с. 157–168].

В исследовательской литературе советского периода прямо указывалось, что «выступление председателя нацеливало присяжных на те выводы, которые вытекали из речи защитника» [13, с. 105]. Современные исследователи также считают, что напутствие А.Ф. Кони «подсказало» присяжным оправдательный вердикт [5].

Таким образом, упреки «Московских ведомостей» в адрес Кони далеко не безосновательны, хотя, безусловно, в вину газете можно поставить излишне эмоциональную и категоричную оценку деятельности председателя Петербургского окружного суда.

Детальный анализ выступлений присяжных поверенных на политических процессах 1870-х гг., в том числе на процессе Веры Засулич, проведенный современными исследователями, также показывает, что «Московские ведомости» были не далеки от истины. В речи защитника П.А. Александрова, доказывавшего,

что Засулич руководствовалась намерением не произвести убийство, а целью благородной — привлечь общественное внимание к случаю с А. Боголюбовым — сегодня можно увидеть стремление отрицать в ее действиях сам состав преступления, «размывание» самого понятия политического преступления. «Исходя из таких соображений, присяжные поверенные тем самым подрывали представления общества о политическом преступлении как явлении пагубном, опасном, разрушительном, внушали публике то, что не соответствовало реальности» [4].

Сегодня можно говорить о справедливости тезиса, заявленного в передовой статье «Московских ведомостей», опубликованной сразу вслед за вынесением оправдательного приговора В.И. Засулич в апреле 1878 г.: «Гражданское общество не может держаться, коль скоро суд, основанный на законе и служащий ему органом, будет оправдывать преступление и возводить его в апофеозу»¹. Позднее процесс и оправдание Засулич «Московские ведомости» назвали началом нового этапа революционной пропаганды в России, а именно — этапом «терроризации правительственных властей покушениями и убийствами», наступившим вслед за деятельностью пропагандистов 1860-х и «хождением в народ» в 1870-е гг.²

Дальнейшие события показали, что во многом недооценка револю-

ционной пропаганды образованным интеллигентным обществом и, как следствие, — снисходительность и оправдание ее носителей, о чем предупреждали «Московские ведомости», — явились причиной быстрого развития и распространения в России радикальных идей, особенно в среде российской молодежи.

К сожалению, «Московские ведомости» стали одним из немногих органов печати, которые обратили внимание на опасный результат и возможные последствия процесса Засулич и стремились разрушить сочувственные настроения по адресу «героев-освободителей» и «жертв» режима, получивших в глазах либерально настроенной русской интеллигенции романтический ореол мученичества и героизма. История продемонстрировала, что оправдательным приговором Засулич фактически было вынесено оправдание терроризму как методу борьбы, как средству запугивания не только неудобных государственных и политических деятелей, общественных лидеров, но и населения огромной страны. Не без помощи печати выстрел Засулич в глазах общественности стал примером исполнения гражданского долга и проявления личного мужества, породив у многих стремление подражать и продолжать начатое ею «дело». Несмотря на то, что сама Засулич очень быстро под воздействием марксизма пришла к пониманию бессмысленности террористических методов борьбы, ее преступление положило начало волне насилия, охватившего Россию в 1880-е гг.

¹ Московские ведомости. 1878. 2 апр.

² Там же. 1880. 25 марта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX — начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савенков) / А.С. Баранов // Общественные науки и современность. — 1998. — № 2. — С. 181–191.
2. Голицын Н. Сюрприз / Н. Голицын // Московские ведомости. — 1879. — 8 июля.
3. Градовский Г.К. Итоги (1862–1907): Историко-политические очерки и статьи. К истории печати. Воспоминания / Г.К. Градовский. — Киев, 1908.

4. Грезнева А.А. Присяжные поверенные в политических процессах 1870-х гг. / А.А. Грезнева // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Сер. 2. — 2004. — Вып. 3. — С. 118–136.
5. Дмитриев И. Почему присяжные оправдали террористку Веру Засулич / И. Дмитриев. — URL: <http://pravo.ru/process/view/17103/>
6. Засулич В.И. Воспоминания / В.И. Засулич. — М., 1931.
7. Карабчевский Н.П. Около правосудия / Н.П. Карабчевский. — СПб., 1908.
8. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. — М., 1966. — Т. 2.
9. Любимов Д. По делу Веры Засулич / Д. Любимов // Московские ведомости. — 1878. — 5 апр.
10. О. Петербургская летопись // Московские ведомости. — 1878. — 14 авг.
11. П.В.В. Голос русского // Московские ведомости. — 1879. — 30 мая.
12. Перевалова Е.В. С.Г. Нечаев и «нечаевское дело» в оценке газеты «Московские ведомости» / Е.В. Перевалова // Медиаскоп. — 2014. — Вып. 4. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/1596>.
13. Смолярчук В.И. Процесс веры Засулич / В.И. Смолярчук // Анатолий Федорович Кони (1844–1927). — М., 1981.

REFERENCES

1. Baranov A.S. The image of a terrorist in Russian culture of the late XIX — early XX century (S. Nechaev, V. Zaslulich, I. Kalyaev B. Savenkov). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social studies and the present*, 1998, no. 2, pp. 181–191. (In Russian).
2. Golitsyn N. Surprise. *Moskovskiye vedomosti = Moscow News*, 1879, July 8. (In Russian).
3. Gradovskiy G.K. *Itogi (1862–1907): Istoriko-politicheskiye ocherki i sta' i. K istorii pechaty. Vospominaniya* [The results (1862–1907): Historical and political essays and articles. On the history of printing. Memories]. Kiyev, 1908.
4. Grezneva A.A. Attorneys in the political processes of the 1870s. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta. Seriya 2 = News of St. Tikhon's Orthodox University, Ser. 2*, 2004, iss. 3, pp. 118–136. (In Russian).
5. Dmitriyev I. *Pochemu prislyazhnyye opravdali terroristku Veru Zaslulich* [Why jury acquitted a terrorist Vera Zaslulich]. Available at: <http://pravo.ru/process/view/17103/>.
6. Zaslulich V.I. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, 1931. (In Russian).
7. Karabchevskiy N.P. *Okolo pravosudiya* [About justice]. SPb., 1908.
8. Koni A.F. *Memories of the case Zaslulich. Sobraniye sochineniy* [Collected edition], Moscow, 1966. Vol. 2. (In Russian).
9. Lyubimov D. *Po delu Very Zaslulich* [In the case of Vera Zaslulich]. *Moskovskiye vedomosti = Moscow News*, 1878, April 5. (In Russian).
10. O. *Chronicle. Moskovskiye vedomosti = Moscow News*, 1878, August 14. (In Russian).
11. P.V.V. *Russian voice. Moskovskiye vedomosti = Moscow News*, 1879, May 30. (In Russian).
12. Perevalova Ye.V. SG Nechayev and «Nechayev case» in the evaluation of the newspaper «Moscow News». *Mediaskop*, 2014, iss. 4, Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1596>. (In Russian).
13. Smolyarchuk V.I. *Protsess very Zaslulich* [The process of faith Zaslulich Anatoly Koni (1844–1927)]. Moscow, 1981.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Перевалова Е.В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М.Н. Каткова «Московские ведомости» / Е.В. Перевалова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2015. — Т. 4, № 1. — С. 29–41. — DOI: [10.17150/2308-6203.2015.4\(1\).29-41](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4(1).29-41).

REFERENCE TO ARTICLE

Perevalova E.V. Publicizing of process of Vera Zaslulich in M.N. Katkov's newspaper «Moskovskie Vedomosti». *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 29–41. DOI: [10.17150/2308-6203.2015.4\(1\).29-41](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4(1).29-41).